

зи с этим глубокого и фундаментального разговора о судьбах советской многонациональной литературы говорил во вступительном слове директор Института мировой литературы чл.-кор. АН СССР Ф. Ф. Кузнецов. Он проинформировал собравшихся о том, что сделано в ИМЛИ для решения огромных по культурной и политической важности проблем, которые стоят перед нашей литературоведческой наукой в связи с необходимостью изучения как истории национальных литератур народов СССР, так и истории советской многонациональной литературы в целом. В частности, разработана Программа научных исследований по приоритетному направлению «Русская классическая и советская многонациональная литература»; совместно с СП СССР создан Научно-исследовательский центр по русской литературе конца XIX — начала XX в. и многонациональной советской литературе; восстановлен Отдел библиографии и источниковедения, осуществляется его компьютеризация, начата работа по изданию академических собраний сочинений классиков советской литературы. В заключение Ф. Ф. Кузнецов призвал участников конференции удержаться от сведения полемических счетов и поставить в центр внимания концептуальность подходов и конкретность идейно-эстетического анализа литературного процесса. Призыв этот был услышан, и творческая атмосфера на конференции была в целом благоприятной, чему способствовала конструктивная и заинтересованная позиция большей части ораторов.

Серьезный теоретический уровень разговора был задан в докладах д-ра филол. наук Г. А. Белой («История советской литературы и проблема ценностных критериев»), канд. филол. наук М. М. Голубкова («Альтернативы и утраченные возможности») и канд. филол. наук В. В. Кожина («Альтернативы и реальность»).

По мнению Г. А. Белой, процесс идеологизации советского искусства, осознанный сегодня как его специфическая особенность, должен быть рассмотрен в политическом и этическом ракурсах. Исследование процесса формирования советского искусства в аспекте его отношений с политической обнаруживает давление политики на искусство, сращение искусства с политикой, подчинение искусства нехудожественным политическим целям. Этот процесс окончательно откристаллизовался в 1929 г. Однако эта закономерность не исчерпывает особенностей развития искусства в решающие для его судьбы 20-е годы. Она требует более широкого, общемирового контекста, где главное — анализ отношения искусства с реальностью насыщенного историческими взрывами XX в. Для анализа путей развития искусства самым важным становится исследование направленности сознания писателя, его метода извлечения жизненной правды

из жизненных явлений. Как бы ни были разнообразны жанрово-стилевые формы в искусстве 20-х годов, на его глубине можно обнаружить два типологически полярных метода: субъективизм, своеволие, грубая тенденциозность авторской мысли, подчиняющей материал заданной идее, с одной стороны, и срастание художественной мысли с материалом, когда идея «отрабатывается» в самом акте художественного познания действительности, а художественный образ вбирает в себя и мысль художника о мире, и живописное изображение этого мира, — с другой. В развитии этих тенденций не было мирного сосуществования; было и напряженное противостояние, борьба, которая тоже определилась к 1929 г., когда грубая тенденциозность начала деформировать даже тех художников, у которых (как, например, у Л. Леонова) потенциальный живописный дар был сильнее склонности к рациональным схемам и заданным идеям.

В докладе М. М. Голубкова содержалась попытка взглянуть на историю советской литературы сквозь призму категории литературного процесса. По мнению докладчика, литературный процесс предполагает взаимодействие между альтернативными эстетическими системами, сосуществующими в рамках одной национальной литературы, творческими методами, школами, течениями и направлениями. Именно такое взаимодействие являла собой русская советская литература 20-х годов. В этот период наряду с социалистическим реализмом, тогда еще живой и относительно гибкой эстетической системой, существуют альтернативные творческие методы — критический реализм, романтизм, натурализм, модернистские эстетические системы. Рядом с «классическим» или «нейтральным» стилем развиваются сказовые структуры с самыми разнообразными социальными ориентациями, орнаментальная проза.

В начале 30-х годов ситуация постепенно изменяется. Следует целая серия оргмер, направленных на свертывание эстетического плюрализма и догматизацию единственной эстетической системы — социалистического реализма. В результате альтернативные социалистическому реализму эстетические системы либо погибли, либо были вытеснены из официально признанной литературы. Но в наиболее драматическом положении, по мнению М. М. Голубкова, оказался социалистический реализм. Некогда живой, творческий метод, уложенный в жесткое русло сталинского официоза, превратился в окостеневшую нормативную эстетическую систему, имевшую мало общего с реализмом как творческим методом. Именно эта эстетическая система и явилась господствующей в литературе 40—50-х годов.

После XX съезда ситуация начинает постепенно изменяться: возвращение в литературу репрессированных писате-